

Отзыв

официального оппонента Синяковой Людмилы Николаевны
о диссертации Лариной Марии Валерьевны

«Образ героя времени в русской и немецкой прозе рубежа XX–XXI веков»,

представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации; по специальности 5.9.2. Литературы народов мира

Представленная диссертация посвящена проблеме типологии и характерологии героя современности в крупных региональных литературах – русской и немецкой. Методологически выверенный подход к проблеме героя времени в теоретической парадигме «герой – антигерой» определяет *актуальность* работы. Выявление ведущих типологических параметров персонажей современной литературы представляется *актуальным* как для теоретического осмысления тенденций ее развития, так и для литературно-антропологического анализа ее персоносферы.

Научная *новизна* исследования М. В. Лариной объясняется постановкой и решением задач компаративистики на обширном материале русской и немецкой литератур, а также введением в сферу отечественной филологии ряда трудов немецких филологов в области теории литературного персонажа (Ф. Яннидис, Й. Эдер, Н. Пехтес) и актуальной истории немецкой литературы (Е. Гилсон, Ф. Лаат, Р. Шнайдер и др.).

Достоверность полученных результатов обеспечивается как интегративностью примененных методов системно-типологического и сравнительно-сопоставительного научного целеполагания, так и *материалом*, включающим наиболее репрезентативные для поставленных задач романы современных писателей: «Андеграунд, или герой нашего времени» В. Маканина; «Faserland» Кр. Крахта; «Алексеев – счастливый человек», «Вдохновение», «Общий день», «Афинские ночи», «Минус» Р. Сенчина; «Летучие собаки» М. Байера; «Кысь» Т. Толстой; «Географ глобус пропил» А. Иванова; «Animal Triste» М. Марон; «Сердце-зверь» Г. Мюллер.

Основная концепция диссертации, заключающаяся в «присвоении» персонажем-трикстером функций культурного героя и типологической дивергентности первого – существовании его четырех характерологических вариантов: *маленького* человека; *лишнего*; *подпольного*; *голового* человека, – получает обоснование в пяти главах работы. Композиция диссертации представляется логичной и последовательной.

В первой главе «*Культурный герой vs трикстер в типологии персонажей современной прозы*» диссертант разворачивает теоретические

основания своего труда. Прежде всего, определяются базовые понятия исследования: культурный герой, антигерой, персонаж, тип персонажа, трикстер. Обобщаются выводы отечественных (Ю. М. Лотман, Л. В. Чернец и др.) и немецких (Ф. Яннидис – Б. Хохман) теоретиков литературы. Признавая, вслед за названными учеными, персонаж в качестве родового понятия по отношению к теоретическим номинациям «тип», «герой / антигерой» и «характер», автор диссертации подчеркивает продуктивность термина «тип персонажа», инвариантного по отношению к «типу», и обосновывает их приоритетность в решении задач диссертационного исследования (с. 30).

Обосновывая корреляцию понятий «герой – антигерой», М. В. Ларина апеллирует к порождающей эти литературные концепты мифологеме «герой». Антигерой, в его архетипическом генезисе восходящий к трикстеру, становится типологическим инвариантом по отношению к анализируемым в диссертации четырем основным типам героев. Для того чтобы выявить объем и границы понятия «трикстер», необходимо обнаружить понятийные границы теоретического феномена его архетипический антипода – культурного героя. Это осуществляется в двух последних параграфах теоретической главы, причем (мета)тип трикстера, в качестве ведущей антропологемы данного исследования, характеризуется шестью устойчивыми качествами (с. 43–44), атрибутирующими персонажей рассматриваемых далее произведений современной русской и немецкой литератур.

Диссертант объясняет появление персонажа-трикстера в русской литературе исследуемого периода не только актуализацией его «культурологической» сущности, но и социально-историческими причинами: кризисным умонастроением переходной эпохи. Поэтому справедливо рассуждение о том, что в литературе 1990-х – начала 2000-х годов «изображаемый субъект формировался как полная противоположность “настоящему человеку” ортодоксальной советской словесности» (с. 47), – а таковым может быть только трикстер и его характерологические производные – типы маленького, лишнего, подпольного и голого человека.

Вторая глава «*Тип подпольного человека и его трансформация*» посвящена функционированию открытого Ф. М. Достоевским типа персонажа и типа сознания в современной литературе. Современное подполье для ведущего персонажа романа В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» воплощено в заглавном субкультурном явлении. Антигерой-трикстер, маргинал и медиатор между жизнью и литературой, Петрович определяется как метатип трикстера в типологическом варианте подпольного человека.

В диссертации обоснованно звучат отсылки не только к повести Достоевского «Записки из подполья», но и роману «Преступление и наказание»: опираясь на наблюдения О. Н. Васильевой, М. В. Ларина анализирует экзистенциальную растерянность Петровича-убийцы (с. 59–61). Явление двойничества в романе интерпретируется в концептуальной координации с топосом подполья, «подсвечивается» поэтикой Достоевского.

Роман Кр. Крахта “Faserland”, по наблюдению автора диссертации, можно считать тематически родственным произведению В. Маканина: общей признается «тема писателя и Слова» (с. 77). Мировосприятие представителя «потерянного поколения» 1990-х, «поколения Гольф» (К. Ринк, с. 74) становится доминантой национального варианта подпольного человека. Герой-скиталец не в состоянии вступить в диалог с миром, его духовное подполье равнозначно самоубийству, которое может стать одной из версий прочтения открытого финала.

Диссертант приходит к справедливому выводу, что оба анализируемых романа объединены интенционально: оба исходят из критики литературоцентричной модели культуры (с. 79).

В третьей главе «*Маленький человек на рубеже тысячелетий*» анализируются формирование и развитие названного типа и их современные модификации в русской и немецкой литературах.

М. В. Ларина проводит обстоятельный историко-литературный обзор возникновения и эволюции типа в русской и немецкой литературах (параграф 3.1.). Тип *маленького* человека двойствен, что вполне обозначилось в творчестве Э. Т. А. Гофмана, создавшего два варианта этого типа – энтузиаста и озлобленного филистера, «страдающего под социальным гнетом <...> мечтателя и случайно наделенного властью ничтожества» (с. 83). В русской классической литературе исследуемый тип также двойствен – в нем сосуществуют, условно говоря, социальная и христианская антропология, причем последняя, в случае семиотической мены ценностей, может принять форму отрицательной антропологии (с. 85, 90). Национальные варианты типа *маленького человека* в XX веке приближаются к типу «среднего человека». Диссертант рассматривает эту модификацию типа на материале прозы Р. Сенчина и М. Байера. Герой Сенчина либо ощущает себя посторонним в окружающем «минус»-мире, либо превращается в обывателя. Экзистенциальное мироощущение атрибутирует сенчинский вариант *маленького человека*.

Немецкий вариант *маленького человека* в современной прозе воплощает не экзистенциальную, а механистическую, дегуманизованную онтологию. Герой романа М. Байера «Летучие собаки» утрачивает

эмоциональный, по сути витальный, образ полагания себя в мире, превращаясь в человека-автомата.

Оба национальных варианта типа *маленького человека* манифестируют крушение ценности человека в социально-исторических обстоятельствах XX столетия.

Четвертая глава «*Лишний человек в кризисную эпоху*» трактует указанный тип героя, обладающий солидной литературной родословной (параграф 4.1). Автор диссертации прослеживает развитие типа *лишнего человека* в русской и немецкой литературе, устанавливает генезис типа в романтической концепции «поэт – филистер», отмечает особенности его характерологии в исследуемых литературах в XX веке. В тщательном выстраивании типологической перспективы от начала XIX к последней трети XX вв. видится научная добросовестность, однако укажем на некоторые неточности.

Например, роман «Рудин» (1855) в работе определяется как более ранний по отношению к повести «Дневник лишнего человека» (1850) (с. 140). Герой одноименного романа Новалиса Генрих фон Офтердинген вряд ли может быть отнесен к типу *лишнего человека*, поскольку путешествие юного поэта в Тюрингию трактовалось как символическое становление поэта-творца. Конфликт «поэт – филистер» является в сюжетной структуре романа, скорее, вторичным (с. 138). Рене в одноименной повести французского романтика Ф.-Р. Шатобриана тоскует не о свободе, а об ушедшем прошлом и распаде родового гнезда, и психологический процесс сожаления французского эмигранта об утраченной культуре является основным сюжетом повести (с. 139). Все эти замечания носят, скорее, рекомендательный характер. Повторим: динамика бытования типа лишнего человека в национальных литературах описана с достойной полнотой представленного материала, и теоретические положения научно верифицируются обращением к романам А. Иванова «Географ глобус пропил» и М. Марон “Animal Triste”.

Лишний человек Виктор Служкин оказывается социально не востребовавшимся и запутавшимся в обстоятельствах своей жизни. Автор романа видит прообраз героя в «Князе Христе» Ф. М. Достоевского – Мышкине. М. В. Ларина доказывает, что Служкин, являя образ «нового святого» русской действительности конца прошлого века, вместе с тем обладает чертами типа *лишнего человека*. В структуре характера персонажа обнаруживаются несвойственные магистральному характерологическому варианту типа черты: повышенная витальность и отсутствие бытийного разочарования. Герой А. Иванова открыт миру и, как это ни парадоксально применительно к мироощущению *лишнего человека*, – открыт будущему.

Вариант типа лишнего человека, отказывающегося от будущего, представлен в характере героини романа М. Марон. Героиня представляется лишней не только в жизни, но и в трагически переживаемой ею истории Германии. Этот вариант типа отмечен позицией добровольного, а не вынужденного разрыва с миром.

Пятая глава диссертации «*Тип голого человека: карнавализация, демонизация, трансформация*» посвящена функционированию типа *голового человека*, восходящего к модели поведения и речевого жеста персонажей демократической сатиры XVII века. Этот тип аккумулирует в своей идентичности след исторической катастрофы, поэтому концепт *власть* и концепт *государство* становятся регуляторами его взаимодействия с миром. Ядром типа *голового человека* можно считать трикстерское начало, позволяющее инкорпорировать трагический модус в жизненное пространство персонажа.

В романе Т. Толстой «Кысь», как показывает проведенный диссертантом анализ, трикстерская сущность центрального персонажа позволяет адаптироваться к гротескной действительности. Бенедикт невольно творит историю, помогая деспоту Кудеяру Кудеярычу возглавить народ. Вместе с тем Бенедикт, искатель старой мудрости, – хранитель Слова, письменной традиции. Отметим осуществленное в диссертации сравнение фиктивной реальности романа Т. Толстой и «Мелкого беса» Ф. Сологуба. При сходстве абсурдных структур изображенной действительности поэтика телесности двух писателей разнится (с. 193). Ф. Сологуб видит в телесности знак возрождения, в то время как Т. Толстая в телесности и вещности мира в целом – знак распада. Пересобирание, новая конструкция истории страны становится миссией Слова, письма, недоступного человеку-трикстеру.

Роман Г. Мюллер «Сердце-зверь» также инспирирован историческим опытом страны (Румынии и в определенной степени – Германии). Немецкие писатели 1990-х, по замечанию М. В. Лариной, пытались воссоздать настроение разочарования и краха, пережитого поколением литераторов, многие из которых были участниками Второй мировой войны (с. 196).

Героиня романа, даже не имеющая имени, в условиях диктатуры обречена на метафорическую немому. Упомянутые качества сигнализируют о конфигурации типа *голового человека*. В романе немецкой писательницы трагическое мировосприятие героини транслируется вовне, в порядок жизни, который можно назвать ее отрицанием. Диалог трикстера с миром становится окончательно невозможным – по наблюдению автора диссертации, концепция голого, пустого пространства характеризует немецкую литературу второй половины XX века (с. 195). Мотивы болезни, немоты, памяти и символ души

– загнанного «зверька» присущи национальному варианту типа голого человека, объятых настроением безысходности.

В *Заключении* подводятся итоги исследования и делаются выводы. Основным выводом следует признать положение о смещении в современной русской и немецкой литературах равновесия внутри архетипической пары *культурный герой – трикстер* – в пользу последнего. Функционирование генетически и типологически связанных с трикстерской природой типов *подпольного, маленького, лишнего* и *голого* человека в литературе двух стран рубежа XX–XXI веков изучено в работе М. В. Лариной обстоятельно и полно. Перспективы дальнейшего исследования намечены в двух возможных направлениях: различные аспекты концептуализации образа трикстера в динамике развития литературы XX–XXI веков и авторские стратегии воплощения названного метатипа.

Как и всякий серьезный научный труд, работа М. В. Лариной побуждает к размышлениям. Хотелось бы обсудить с автором диссертации некоторые ее положения.

1. Значительное отличие героя романа Кр. Крахта “Faserland” от русского варианта типа *подпольного человека* заключается, на наш взгляд, в потребности героя перемещаться из города в город, не находя своего места в мире. Русский вариант типа «стационарен», локализован в бытийном «углу», заданном в каноническом для типологической парадигмы тексте Ф. М. Достоевского. Чем можно объяснить феномен “скитальчества” героя немецкого романиста?
2. Рассуждая о связи с «искусством» протагонистов Р. Сенчина, М. В. Ларина справедливо причисляет к «метафорам искусства» (с. 112) такие его виды, как театр, живопись, кино и литература. В авторском сознании Р. Сенчина, на наш взгляд, важнейшее место занимает музыка, а именно – современная музыка: периферийный мотив в «Минусе», ведущие мотивы в произведениях разных жанров: «Вперед и вверх на севших батарейках», «Лед под ногами», «Дождь в Париже», рассказ из сборника «Десятые» (2023) и др. Учитывая упомянутую в работе константу творчества писателя – автобиографизм и «музыкальную» часть его биографии, указание в числе искусств музыки представляется немаловажным.

Вопросы и реплики по поводу определенных фрагментов диссертации лишь подчеркивают глубину решаемых в ней проблем.

Автореферат в полной мере отражает содержание диссертации, а 14 публикаций, 6 из которых помещены в журналах и изданиях,

рекомендованных ВАК РФ и Аттестационным советом УрФУ, представляют основные результаты диссертационной работы М. В. Лариной.

Диссертация соответствует специальностям 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации; 5.9.2. Литературы народов мира и требованиям п. 9 Положения о присуждении ученых степеней в УрФУ. Соискатель Ларина Мария Валерьевна заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальностям 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации; 5.9.2. Литературы народов мира.

Официальный оппонент
Синякова Людмила Николаевна,
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры истории и теории литературы
Гуманитарного института
Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
«Новосибирский национальный исследовательский государственный
университет»
Тел. +7(383)363-40-00
rector@nsu.ru
<https://www.nsu.ru/n/>
630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1

20.03.2024 г.

